

Е. Г. Малюта

МОЛИТВЫ С. И. ШАХОВСКОГО:
МЕЖДУ «СПАЛЬНЫМ» И «ПОДОРОЖНЫМ» ПРАВИЛОМ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия

Поступила в редакцию 18.03.2025 г.

Принята к публикации 01.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6

Для цитирования: Малюта Е. Г. Молитвы С. И. Шаховского: между «спальным» и «подорожным» правилом // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 56 – 67. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6.

Статья продолжает исследования внутренней организации корпуса молитв известного государственного деятеля и писателя первой половины XVII в. князя Симеона Шаховского. Выявляются структура и тематическая организация указанного корпуса евхологических опытов Шаховского на основе исследования традиции частного молитвенного правила (так называемых спальных молитв), сложившейся к началу XVII в. Установлено, что три отчетливо выраженные группы молитв в указанном корпусе сочинений Шаховского отражают как личные обстоятельства жизни автора, так и его разносторонние литературные интересы; обозначены возможные образцы этих гимнографических опытов князя, обнаруживающие его знакомство с традициями Троицкого монастыря и влияние первых справщиков Московского печатного двора. Особое внимание уделяется знакомству князя Шаховского с памятниками молитвенного обихода Великого княжества Литовского, включая издания Виленского братства. Показано, как сравнительно новая традиция составления сборников частных молитвословий, не имеющих места в богослужбном круге, могла послужить стимулом для самостоятельного создания Шаховским корпуса небольших ежедневных прошений. Особо рассмотрены предпосылки создания двух необычных заключительных молитв корпуса. Результатом исследования стало обоснование положения об особом характере ежедневных прошений князя С. И. Шаховского (которые можно обозначить как «подорожные») и гипотеза о композиционной правке собрания авторских молитв для помещения в авторские сборники сочинений.

Ключевые слова: Симеон Шаховской, русская гимнография XVII века, личное молитвенное правило, молитва за патриарха, жанр евхологии

Введение

Изучение двух тождественных по содержанию сборников сочинений князя Шаховского [20, ф. 173/1, №213, 214], известного эрудита, полемиста и публициста первой половины XVII в., с точки зрения их структурной организации ставит вопрос о принципах внутреннего единства композиции: труды исторического характера перемежаются с посланиями по разным, преимущественно каноническим, вопросам (прошения к патриарху и тобольскому митрополиту, содержащие моления личного характера, отнесены в начало обоих сборников). Однако внутри этих собраний можно отметить выделенную самим автором группу молитв, снабженную общим заглавием: «Молитвы, творение многогрешного в человецех дукса Семиона Шаховского» [20, ф. 173/1, №213, л. 302–318 об.].

57

Перечень молитв в составе корпуса и его структурная организация

Последовательность молитв идентична в обоих списках сборников Шаховского и состоит из 27 сравнительно кратких, обыкновенно в лист (за исключением первой, очень пространной молитвы Христу), воззваний. Представляется необходимым привести ниже полный их перечень (по группам), так как ни в одной из известных нам описей (Д. Корсакова [9, с. 587], Е.П. Семеновой [21, прилож. 2], С.А. Волкова и Н.А. Тропина [5, с. 72–73]) перечень молитв Шаховского не представлен полностью, включая внутреннее деление блока неозаглавленных молитв. В недавнем обстоятельном исследовании профессор Р. Мартин изучает их сквозь призму воззрения на Шаховского как на эрудита-интеллектуала, *intelligent*, и также перечисляет их в приложении, не выделяя, однако, групп молитв по признаку ориентации на гимнографические и уставные образцы [1, р. 520–522]. В настоящей статье мы освещаем эту сторону вопроса.

Молитвы по структуре литийного прошения:

— «Молитва Господу нашему Иисусу Христу», начало: «Господи Боже всеблагий Иисусе Христе, Судия всему миру...»;

— Тогожде молитва честному и животворящему Кресту»: «Радуйся живоносный Кресте, верным похвала и утверждение, оружие на враги непобедимо...»;

— «Сия молитва Пречистой Богородице, от начала творение преподобного инока Максима Грека святого горца по точку красную, а конец сложен нашею грубостию и недоумением»: «Тебе, превосходящую безплотных божественных чинов неприкладною чистотою, моллю, Всепетая...»;

— «Тогожде молитва великому в пророцех предтече и Крестителю Господню Ивану»: «О, великий во пророцех, просиявший от неплоды, небесный человеце...»;

– «Тогожде молитва бесплотным»: «Святии архангели, ангели, начала, власти, престолы...»;

– «Тогожде молитва святым верховным и прочим апостолам»: «Велицыи верховнии апостоли, блаженный Петр и христоревнительный Павел...»;

– «Тогожде молитва святым пророкам»: «Святии славнии пророцы, Моисей великий и Илия, Самоил славный...»;

– «Тогожде молитва святителям»: «Преславнии велицыи святителие и всея вселенныя учителие...»;

– Тогожде молитва преподобным и богоносным отцем»: «Преподобнии и богоноснии отцы, Антоней и Феодосей велицыи...»;

– «Тогожде молитва святым мучеником»: «Преславнии чюдодейцы, велицыи христовы мученики»;

– «Тогожде молитва святым преподобным женам и мученицам: «О прехвалныя и преблаженныя девы и жены, преукрашенные невесты...»;

– «Тогожде молитва святителям Московским и всея Руси»: «Нового Рима пресветлая светила, богомудрые отцы...»;

– «Тогожде молитва святым благоверным царем и великим князем»: «Благоверныя и скифетродержавныя цари и князи новаго Израиля...»;

– «Тогожде молитва преподобным отцем русским»: «Приидете благовернии людие, воспоим преподобных отец лики»;

– «Тогожде молитва за царя»: «Помилуй, Господи и соблюди раба своего, государя нашего <Алексея Михайловича>...»;

– «Тогожде молитва за патриарха»: «Помилуй, Господи, и соблюди господина нашего смиреннаго кир <имярек> на престолника святых Твоя апостолския церкви...».

Пропуск имени в данной молитве позволяет Е.П. Семеновой датировать сборник сочинений Шаховского первой половиной 1652 г. — временем, когда патриаршая кафедра некоторое время оставалась вакантной по причине скоропостижной смерти патриарха Иосифа. Кроме того, в исследовании Семеновой представлен перечень заимствований, перифразов и вариаций отрывков «Слова в новую неделю» в указанных сочинениях Шаховского [21, с. 50]. Некоторые замечания относительно адресации имеются в нашей недавней статье [12].

Молитвы, не имеющие заглавий:

- а) «Помилуй, Господи, и посети милующих нас...»;
- б) «Помилуй, Господи, отец наших духовных...»;
- в) «Помилуй, Господи, служащая нам и повинующаяся...»;
- г) «Помилуй, Царю небесный, всех православных христиан...»;
- д) «Помилуй, Господи, и прости враги наша...»;
- е) «Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою...»;
- ж) «Помяни, Господи, отшедшия души раб своих...»;
- з) «Помяни, Господи, отец моих духовных, и вся сродники моя...».

Написанные виршами и житийные молитвы:

– «Тогожде молитва преподобному Дмитрию, вологодскому чудотворцу».

Начало:

О, преблагий наш пастырю и учитель

О, великий чудотворец Димитрий...

Виршевую структуру этой молитвы, равно как и «молитвы о неразлучении брака», впервые обнаружил В. К. Былинин [3, с. 34–35; 13].

– «Тогожде молитва преподобному Макарию, унежскому чудотворцу».

Начало: «Радуйся, богоизбранный честный сосуде, велие святому Духу пребывание...».

Внутренняя организация корпуса данных текстов выражена в первую очередь заглавиями: так, первая группа молитв отличается четкой иерархической структурой, начинаясь с пространной молитвы Господу Иисусу Христу. Последние две молитвы этого ряда, имеющие названия «За царя» и «За патриарха», примыкают ко второму ряду молитв, не имеющих заглавия и представляющих собой, по существу дела, личный помянник князя Симеона за умерших и живых родственников с некоторыми элементами биографии поименованных. Заключительные две молитвы посвящены избранным святым, преподобным Дмитрию и Макарию. Можно предполагать, что их создание обусловлено посещением автором указанных монастырей и личным благочестием.

Ориентация автора молитв на различные традиции и образцы: справщики Московского печатного двора

Каково вероятное происхождение первой и второй групп молитв в составе корпуса? Содержание не позволяет относить их к определенному циклу вечерних, называемых «спальными», молитв, имевших к началу XVII в. устойчивую традицию, включавших от пяти до девяти молитв. Так, чинопоследования «спальных молитв» имеются в издании Псалтыри с воследованием 1625 г. и в рукописном Каноннике 1636 г., где они помещены либо в конце повечерия (в первом случае), либо непосредственно после него. Перечень часословов из собрания Троице-Сергиевой лавры с указанием количества «спальных» молитв приведен в статье [7, с. 292–293]. Ее автор, иеромонах Далмат (Юдин), полагает, что удаление молитв из канонников при никоновской справе 1658 г. показывало мнение справщиков о необязательности данного дополнения к суточному кругу богослужения [7, с. 294].

Знакомство Шаховского со справщиками Московского печатного двора, происходившими из круга троцкого архимандрита Дионисия, состоявшееся, вероятно, благодаря дружбе с келарем Симоном Азарьиным и неоднократным посещениям Троицкого монастыря, позволяет предположить его осведомленность о ряде частных молитв, в традиции Троицкого монастыря ежедневно присоединяемых к уставным чинопоследованиям, берущих начало в том числе из первопечатных памятни-

ков западнорусской митрополии: Острожская Псалтирь с воследованием 1598 г. была одним из источников, по которому сверялись деятели уже первой sprawy при возникавших затруднениях во время исправления Требника в 1618–1619 гг. [14, с. 86–102], а также в некоторых частных вопросах (таких, например, как необходимость изменить возглас на «Отче наш» [8, с. 10]).

Хотя из частных последований «Псалтыри с воследованием», содержащей кроме «Молитв спальных» еще и «Молитвы от сна вставши» и «Молитвы на ночь», в первый подобный сборник Московского печатного двора вошли только первые из названных, князь Шаховской мог иметь представление о данных группах молитвословий, как будучи непосредственно знаком с изданием 1598 г., так и опосредованно — через келаря Симона Азарьина, любимой книгой которого, как известно, была «Книжица в шести розделах», подготовленная к печати Василием Суражским, сотрудником Ивана Федорова в издании Библии 1581 г. Отдельно нужно отметить, что ряд глав так называемой Кирилловой книги¹ содержит извлечения из «Книжицы в шести розделах».

Таким образом, Шаховской, хорошо разбиравшийся, как показываю его послания богословского характера, в вопросах антипротестантской и антикатолической полемики, мог быть хорошо знаком с обоими памятниками через келаря Троицкого монастыря, снабжавшего его книгами из своей личной библиотеки.

Дополнительным подтверждением нашего предположения служит тот факт, что Кириллова книга была напечатана в большом количестве экземпляров и активно использовалась в богословской дискуссии между русскими богословами и пастором, прибывшим вместе с королевичем Вальдемаром. В этой дискуссии, длившейся с января 1644 по август 1645 г., Шаховской принимал самое деятельное участие, а кроме того был в составе делегации, встречавшей датское посольство, и позже высказал особое мнение о возможности не переkreщивать королевича в православие, за что был подвергнут новой опале, лишению имущества и едва не сожжен: князь Симеон передал царю Михаилу Федоровичу письмо, в котором излагал свои взгляды на возможность брака с инославным, подкрепляя их историческими примерами таких смешанных браков с представителями правящих династий Польши и Ливонии. Возмущение данным «вольнодумством» Шаховского со стороны патриарха и бояр (письмо было обнародовано) привело наконец к ссылке последнего в Колу [4, с. 350–351; 15, с. 156–157].

С. Ф. Платонов, комментируя данные события, делает общий вывод о причинах несчастий Шаховского: при безупречном его правоверии много вредило его положению «особенности его умственного склада, не позволявшие ему разбираться в людях и делах с надлежащей быстротой и смыслом» [17, с. 94]. Следствием этого следует считать и особый

¹ Издана Московским печатным двором в 1644 г., содержит полемические вирши Михаила Рогова и Иоанна Наседки, а также ряд статей эсхатологического и антипротестантского характера, библиографию и индекс книг, включая неизвестные ранее в Москве книги западнорусского происхождения.

характер умолчаний в «Домашних записках» князя, поведавшего в них лишь то о своей биографии, чего, по выражению С. Ф. Платонова, «никак нельзя было скрыть» [17, с. 111].

Ориентация автора молитв на различные традиции и образцы: уставные молитвы Виленского братства

Можно предположить знакомство князя с памятниками молитвенного обихода Великого княжества Литовского, в частности с традицией уставных молитв Виленского братства, нашедшей отражение в ряде изданий сборников «Молитв повседневных», переизданных большее количество раз, чем любая другая книга братства¹, а также в Анфологионе издания 1613 г., представляющем собой уже не устойчивую традицию «Псалтыри с воследованием», а «новый тип книги — типикарный сборник Братской типографии, объединяющий общецерковные богослужения суточного круга с частными молениями, предназначенными для личной молитвы в продолжение дня по местному уставу» [7, с. 309]. Именно в этом Анфологионе, ставшем последним изданием Виленской братской типографии, которое содержит отдельные группы вечерних, полуночных и утренних молитв², можно найти главу «Всякому правоверному, хотящему спастись, да не будет леностно по молитвах на сон грядущих и сии молитвы с поклонением колен по вся дни глаголати».

В этой главе вариант правила, имеющийся в венецианских изданиях сербской традиции, дополнен развернутыми прошениями с указанным земным поклоном после каждого. Автором данных прошений иеромонах Далмат (Юдин) считает самого редактора сборника, руководителя Виленского братства по смерти Лаврентия Зизания, архимандрита Леонтия (Карповича), который составил данную книгу для личного употребления как «необходимую в его положении» (так как после выхода из заточения настоятель Духовского монастыря, при каждодневном служении литургии, занимался целым рядом безотлагательных дел, касающихся братства и монастыря, а потому не мог исполнять последования суточного круга в должном объеме) [7, с. 307]. Традиция поклонов с собственными воззваниями не ограничивается упомянутым изданием: в сборнике «Акафисты» издания Киево-Печерской лавры 1625 г. также имеется подобная группа текстов, схожая с рядом литийных прошений. Иеромонах Далмат пишет: «Заметна двоякая тенденция подхода редактора-составителя: с одной стороны, он стремится сохранить традицию молитвенного обихода Виленского брат-

¹ «Молитвы повседневные», напечатанные в 1595 и 1596 гг., стали первой книгой Виленского братства, переиздавались в 1601, 1609, 1611, 1615, 1621, 1626 и 1635 гг.

² Таким образом, название книги нехарактерно для ее содержания: в устоявшейся традиции Анфологионом именуют сборник, схожий по типу с Праздничной Минеей.

ства, а с другой — привлечь дополнительные тексты молитв из авторитетного острожского издания, очевидно ставшего востребованным среди православных, и из некоторых других источников» [7, с. 309].

Таким образом, сама возможность составления авторских молитв, не относящихся непосредственно к монашескому правилу и не входящих в суточный богослужебный круг, имела вполне зримое осуществление в ряде изданий книжников Западнорусской митрополии. Эта тенденция правки и составления новых вариантов чинопоследований, однако, не наблюдалась всю первую половину XVII в. в памятниках Московского печатного двора, проявивших консервативную линию троицких справщиков: те включали в такие сборники только «спальные молитвы», имевшие богатую рукописную традицию. В числе содержащих данные молитвы следует указать такие известные сборники, как «Обиход церковный» (пергаменный сборник начала XV в. редакции митрополита Киприана [20, ф. 304/I, №17]), а также сборник преп. Кирилла Белозерского.

Не следует забывать и о широко распространенной традиции кратких поминовений в молитвах, основанных на прошениях ектений и в ряде случаев последовательно повторяющих поминовения в последней части анафоры на литургии (это обусловило наименование нами первой группы молитв «*по структуре литийного прошения*»). Последним значительным исследованием вопроса бытования поминовений анафоры в древнерусских источниках является труд Т. И. Афанасьевой [2] а также статьи А. К. Пентковского, свящ. М. Желтова, Н. В. Шалыгиной, Ю. И. Рубана, касающиеся данной проблематики.

Для нашей темы весьма важен вывод, к которому приходит иеромонах Далмат (рассматривавший в числе источников и упомянутую ранее «Малую подорожную книжицу» Ф. Скорины), рассуждая о причинах составления новых молитв. Он отмечает, что и составитель Острожской «Псалтири с воследованием» 1598 г. был мирянином, и виленский сборник «Полуустав» 1622 г. предназначен для любого человека, будь то мирянин, священник или монах: «которые не часто в церкви бывают, а особливо для подорожных... говорим же докучнику, а не гостю, то есть желающему знать, что заключено в нем не кончиком пальца, но от всей души...» (предисловие указанного устава, цит. по: [7, с. 317–318]).

Князь Шаховской, без сомнения, был таковым «докучливым» благочестивым мирянином, имевшим необходимость в едином и относительно кратком молитвенном правиле в отсутствие книг на военной службе и во время ссылок. Сознание своих способностей гимнографа могло побудить князя составить самостоятельно корпус ежедневных молитв по образцу виденных им ранее памятников западнорусской книжности и предложить его достаточно широкому кругу читателей (именно молитвы, а не большинство более пространственных гимнографических сочинений, помещены в сборник авторских произведений С. И. Шаховского).

При всем том, как уже было замечено, молитвы князя Симеона в большинстве своем носят подчеркнуто личный характер и лишь в двух случаях явно предполагают замысел автора предложить их иному молящемуся как готовый образец. Причем указание подставить личное имя имеется именно в *первой* молитве Господу Иисусу Христу и в *заключительной* молитве преп. Макарию, что служит дополнительной аргументацией предположения о тематическом расположении Шаховским 27 молитв согласно трехчастной структуре этого собрания евхологических опытов князя. Средняя часть в нем, таким образом, имела подчеркнуто частный характер и была представлена в составе сборника как личный опыт, первая и третья же представляли собой качественно различные примеры следования известным автору образцам и предлагались для широкого употребления, начинаясь и завершаясь актуализацией прошений путем самостоятельного включения молящимся своего имени.

Две заключительные молитвы

Необходимо подробнее сказать о специфике третьей группы воззваний. Две заключительные молитвы, составляющие ее, отличаются от всех предыдущих адресным обращением к определенным святым (преп. Димитрию Прилуцкому и Макарию Унженскому (или, как в рукописи, «Унежскому») и выглядят добавленными автором в общий корпус позже, так как отличаются от «*литийных*» и «*не имеющих заглавий*» молитв первой и второй групп как объемом и структурным делением, так и особым характером этих опытов церковного творчества писателя.

«Серьезная торжественность силлабического стиха» [16, с. 99], принятая за эталон уже в середине XVII в. (кроме частных посланий), не выражена еще в молитве преп. Димитрию (видимо, написанной по причине близости к Вологде известных вотчин Шаховского), где князь, взяв за основу молитву свт. Николаю [11, с. 430–435], наполняет ее посредством виршевого деления и некоторой стилистической переработки новым эмоциональным звучанием, делая ее, хотя она и составлена в строгом соответствии с образцом и даже сохраняет большинство его формулировок, очень личной и прочувствованной.

Вторая молитва заключительной группы, преп. Макарию, представляет значительный интерес как единственная из всего корпуса, в которой автор выказывает хорошее знание жития и особенно современных ему самому чудес святого, называя его в молитве русским святым, «яко светозарная луча новоприсявшим чудесами».

Следует сказать, что особый характер почитание преп. Макария приобрело именно в Смутное время, непосредственно соотносясь с земским движением 1608–1609 гг., участники которого считали желтоводского чудотворца своим покровителем. Преподобного почитали и в нижегородском ополчении 1612 г.; знакомец Шаховского князь Пожар-

ский почитал его своим личным заступником и построил в честь чудотворца монастырь в своем имении [19, с. 58–60]¹. Новоизбранный царь Михаил Феодорович уже в 1619 г. по благословению своего отца отправился в паломничество в Унженский монастырь (оставшись, впрочем, недовольным нравами братии), а в 1620 г. игумен Авраамий получил от царя и патриарха повеление на возобновление Желтоводской обители. Е. В. Кравец считает, что «почитание преп. Макария царской семьей могло быть обусловлено тем фактом, что преподобный считался покровителем пленных, и ему, как принято думать, молились царь Михаил и его мать в Унженском монастыре о возвращении из Речи Посполитой митрополита Филарета» [10, с. 231]. Тогда же, по повелению патриарха, были составлены житие и чудеса святого [18, с. 291–292].

Этот сборник, судя по информации, представленной в молитве, был известен князю Шаховскому, а молитва преп. Макарию, содержащая мотив прошений об укреплении установленного государственного порядка, напоминала автору и о трагических событиях его собственной биографии: согласно изысканиям С. Ф. Платонова, на период с 1608 по 1611 г. приходится период «шатости» князя: в 1608 г. он возвращается из новгородской службы в Москву, в 1608–1609 гг. участвует в боях против Лжедмитрия II. В 1610 г. князь уже в тушинском стане, в среде противников Василия Шуйского, сославшего его в 1606 г. в «мор», а в 1611 г. вновь обретается в Новгороде, но уже с русским ополчением [17, с. 72].

Известно и о вотчине самого Шаховского в Галиче: после ссылки в Колу он был отпущен в это свое имение, а затем в Москву, после чего в 1649 г. вновь оказывается в томской опале [6, с. 80; 20, ф. 205, № 227, л. 42]. Вероятно, в это время и он сопричисляет себя «галическим людям», которым явлены недавние чудеса, и просит быть столь же милостивым и к нему.

Выводы

«Молитвы на всяк день» князя Симеона Шаховского, отражающие его личные обстоятельства и включающие в себя молитвы за конкретных родственников, помещены в середину цикла и являются разграничением, с одной стороны, молитв — опытов переложений и подражаний, а с другой — также евхологических опытов, но совершенно другого характера: виршевого и житийного. Эти три разноплановые части одного молитвослова князя, по всей видимости, стали его разновременным опытом составления личного сборника «подорожных» молитв, окончательное оформление которого можно отнести ко времени по-

¹ В статье [19] введено в научный оборот «Сказание о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Макария, Унженскаго чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время, внегда попущением Божиим Российская земля страдаше от нахождения безбожных ляхов...» по сохранившимся спискам XVII в.

следней ссылки Шаховского в Колу в 1642 г. Лирика этих молитв и цельность выражения мысли в них ставят С. И. Шаховского на уровень не рядового гимнографа-переписчика и представляются отдельным предметом исследования в компаративном аспекте. Автор умеет переосмысливать типовые евхологические формулы в личном ключе и переводит практический опыт молитвы в законченное произведение, свидетельствующее об искусстве в классической форме выражать собственный интерес, наблюдательность и личное начало.

Наблюдения, изложенные выше, приводят к выводу о том, что можно с уверенностью говорить о сложной трехчастной структуре рассматриваемого корпуса молитв Шаховского, составленного не единовременно, но носящего следы композиционной обработки, быть может, имевшей место непосредственно при составлении князем сборника сочинений.

Список литературы

1. Martin R. E. «The Prayers of the Sinful Prince Semën Shakhovskoi». The Religious World of Russia's First Intelligent // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56, №4. S. 498–522.
2. Афанасьева Т. И. Древнеславянский перевод литургии в рукописной традиции XI–XVI вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
3. Былинин В. К. Небольшой фрагмент из русской поэзии начала XVII в. «Молитва-заговор» князя С. И. Шаховского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник — 1982. Л., 1984. С. 34–37.
4. Вернадский Г. В. Московское царство : в 2 ч. Ч. 1. Тверь, 2001.
5. Волков С. А., Тропин Н. А. Рукопись князя С. И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. 2024. №1 (38). С. 71–78.
6. Гальцов В. И. Сведения о С. И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г. // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 79–81.
7. Далмат (Юдин), иером. Начальный этап бытования молитв утренних и вечерних по печатным источникам (1596–1622): возникновение, вариативность состава, пути передачи текста // Богословский вестник. 2015. №18–19. С. 289–340.
8. Казанский П. С. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1848. Год 3. №8. С. 1–26.
9. Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22. С. 586–589.
10. Кравец Е. В. Почитание преподобного Макария Унженского и Желтоводского как один из источников движения обновления в России в первой половине XVII века // Труды Нижегородской семинарии. Н. Новгород, 2011. Вып. 9. С. 227–237.
11. Ляпин Д. А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–435.
12. Малюта Е. Г. «Молитва о патриархе» князя Шаховского: предварительные наблюдения // Modern Humanities Success. 2023. №4. С. 65–68.
13. Малюта Е. Г. Личное среди типового. (История одной виршевой молитвы князя Симеона Шаховского) // Слово и образ. 2024. №2 (7). С. 286–298.

14. Опарина Т.А. «Да в люди ту книгу казать не для чего»: библиотека Симона Азарьина и отношение к украинско-белорусской книжности в России первой половины XVII в. // *Mediaevalia Ucrainica*. 1995. Т. 4. С. 86–102.
15. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым. М., 1892.
16. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
17. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925.
18. Поньрко Н.В. Житие Макария Желтоводского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. С. 291–293.
19. Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // *Труды отдела древнерусской литературы*. СПб., 1990. Т. 43. С. 58–69.
20. *Российская государственная библиотека*.
21. Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

Об авторе

Евгений Григорьевич Малюта — канд. филол. наук, мл. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Россия; преп., Московская духовная академия, Россия.

E-mail: 7tsarei@gmail.com

E. G. Malyuta

PRAYERS OF S.I. SHAKHOVSKY: BETWEEN “SLEEPING” AND “TRAVEL” PRAYER RULES

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Moscow Theological Academy, Sergiyev Posad, Russia

Received 18 March 2025

Accepted 01 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6

To cite this article: Malyuta E.G., 2025, Prayers of S.I. Shakhovsky: between “sleeping” and “travel” prayer rules, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 56–67. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6.

The article continues research on the internal organization of the corpus of prayers by the well-known statesman and writer of the first half of the 17th century, Prince Simeon Shakhovsky. The structure and thematic organization of this corpus of Shakhovsky's euhological compositions are identified based on a study of the tradition of private prayer rules (the so-called bedtime prayers) of the early 17th century. It is established that three clearly distinguished groups of prayers in this corpus reflect both the personal circumstances of the author's life and his diverse literary interests; possible models for these hymnographic compositions of the prince are indicated, showing his familiarity with the traditions of the Trinity Monastery and the influence of the early compilers of the Moscow Printing House. Particular attention is paid to Prince Shakhovsky's acquaintance with the prayer practices of the Grand

Duchy of Lithuania, including editions of the Vilnius Brotherhood. It is shown how the relatively new tradition of compiling collections of private prayer books, not included in the liturgical cycle, could have served as a stimulus for Shakhovsky's independent creation of a corpus of small daily petitions. The prerequisites for the creation of two unusual concluding prayers of the corpus are examined in detail. The result of the study is the substantiation of the special character of Prince S.I. Shakhovsky's daily petitions (which can be termed "travel prayers") and the hypothesis regarding the compositional editing of the collection of the author's prayers for inclusion in his collected works.

Keywords: Simeon Shakhovskoy, Russian hymnography of the XVII century, personal prayer rule, prayer for the patriarch, genre of euchologia

The author

Dr Evgeny G. Malyuta, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia; Lecturer, Moscow Theological Academy, Russia.

E-mail: 7tsarei@gmail.com